

должно дѣлаться для совѣсти, а не на показъ: *nil ad ostentationem, omnia ad conscientiam!*... Но пока они это поймутъ, пока они еще перейдутъ въ эту высшую стадію своего развитія, толпа, между тѣмъ, глядя на нихъ, ждетъ отъ нихъ— «слушаетъ—поучается», воспринимаетъ всѣ крайности, перевариваетъ чудовищныя противорѣчія... За что же её то на соблазнъ оставлять? И притомъ же, истина, которою обладаетъ или думаетъ обладать развивающійся человѣкъ, вѣдь, и для него самого есть не болѣе, какъ истина «на часъ». Когда гр. Толстой, на свой вопросъ «что дѣлать»? отвѣчаетъ: «прежде всего не бояться истины, *куда бы она ни привела*», онъ забываетъ, что критеріемъ-то истины у него, вѣдь, является лишь искренность его собственнаго убѣжденія, его собственная познавательная потребность и жажда удовлетворить ее *сейчасъ-же*; что отъ насъ, стоящихъ въ сторонѣ и не принимающихъ участія въ этомъ удовольствіи, не можетъ быть утаено то, что ему, учителю, такъ же какъ и намъ, открыты также и всѣ пути заблужденія, что то, что казалось ему истиной, въ слѣдующій разъ таковою уже не будетъ представляться. Помнится, напр., какъ гр. Толстой доказывалъ въ своихъ «мысляхъ, вызванныхъ переписью», *зло денегъ*, опираясь, при этомъ, на евангельскую притчу о нищемъ Лазарѣ. Онъ былъ вполне убѣжденъ *тогда* (не знасмъ такъ ли думаетъ онъ *теперь*), что Лазарь, «не сдѣлавшій ничего хорошаго», *только потому* и спасся и оказался въ раю, что онъ былъ *нищій*. Стоило только тогда же напомнить гр. Толстому о томъ, что его Лазарь—нищій представленъ, вѣдь, въ раю на лонѣ Авраама-богача, что значить не бѣдность и не богатство сами по себѣ привели ихъ туда,—чтобы гр. Толстой, не сумѣвъ примирить этихъ противорѣчій, отказался бы, вѣроятно, или сталъ бы менѣе настойчиво поддерживать свою «истину». Ему показалось,